

И. Г. Серова

**РОЛЬ ГЕНДЕРНОЙ ИНТЕРПРЕТАНТЫ
В ВЫСКАЗЫВАНИИ: ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ
(на материале англоязычных текстов малого формата)**

Давно замечено, что между когнитивной лингвистикой и гендерными исследованиями есть много общего в том плане, что в обеих областях в центре внимания находится работа сознания. Построение когнитивной модели события невозможно без учета фактора воспринимающего субъекта, в данном случае без учета фактора его принадлежности к одной из двух биосоциальных групп.

Существует определенный параллелизм между дебатами в феминистской философии и когнитивной науке. В феминистской философии сегодня имеются два направления, одно из которых может быть описано как социальный конструктивистский феминизм. Его главная идея — это гендерное равенство, к которому следует стремиться, поэтому предполагается, что современное общество должно уделять как можно меньше внимания гендерным различиям. Представительницами феминизма такого типа являются С. де Бовуар и Ю. Кристева. Эта позиция соотносится с основным направлением в парадигме когнитивной науки, представленным в книге Дж. Фодора “Язык мысли”, в которой постулируется положение о том, что базовый уровень когниции является гендерно нейтральным¹.

Взгляды представителей второго направления, Дж. Батлер и Л. Иригарэй, сводятся к тому, что опыт сознания проистекает из телесного опыта, и в этом смысле перекликаются со взглядами представителей радикального направления когнитивной науки, таких, как Дж. Серл и Г. Дрейфус. Л. Иригарэй и Г. Дрейфус исходят из идей М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти в своем пристальном внимании к опыту тела, полагая, что у человека есть только один ресурс, который может быть задействован в работе сознания, — телесный опыт. Впрочем, под телом понимается не доисторическое, примитивное тело, а тело как социальный конструкт.

Дж. Серл полагает, что “проблема сознания и тела имеет достаточно простое решение, по крайней мере, в общих чертах”, и что “препятствием к полному пониманию отношения тела и сознания служат наши философские предрассудки, буд-

то ментальное и физическое суть две отдельные области, а также наша неосведомленность о работе мозга. Если бы у нас имелась адекватная наука о мозге, такой подход к мозгу, который дал бы нам каузальные объяснения сознания во всех его формах и разновидностях, и если бы мы преодолели наши концептуальные ошибки, то не осталось бы никакой проблемы сознания и тела”².

Вопрос о связи ментального и физического опыта был поставлен в работе Т. Нейгела 1974 г. “What is it like to be a bat?” в довольно неожиданном ракурсе³. Он писал, что, стараясь вообразить субъективный опыт летучей мыши, необходимо учесть особенности ее восприятия, основанные на том, что она почти слепа и висит под потолком вниз головой, а в пространстве ориентируется благодаря системе отраженных высокочастотных звуковых сигналов. Пессимистический вывод Т. Нейгела состоит в том, что мы можем попытаться описать этот опыт, но это будет опыт “от третьего лица”, примерно так же, как мы можем представить себе, что человек, сломавший ногу, испытывает сильную боль, но мы сами не чувствуем этой боли. То же самое можно утверждать относительно работы сознания мужчин и женщин: имея разные тела (биологическое различие) и различный социальный опыт (социальное различие), который передается от поколения к поколению в процессе социализации, они по-разному воспринимают и оценивают явления окружающего мира.

Дж. Серл полагает, что основными особенностями сознания следует считать субъективность и интенциональность². Под интенциональностью понимается направленность сознания на нечто внешнее и придание ему смысла⁴. В феноменологии Э. Гуссерля интенциональность описывается как корреляция нозмы и нозы, т.е. познаваемого объекта и способа его познания, что в терминах когнитивной науки соответствует соотношению дескриптивных структур и явлений, репрезентированных при помощи этих структур.

Основной вопрос сознания “what is it like to be X?” может быть сформулирован для гендерного исследования как “what is it like to be a man (woman)?”, т.е. “каково быть мужчиной (женщиной)?”⁵.

Эта проблема давно поставлена в социокультурном плане как проблема непонимания между мужчиной и женщиной⁶. Так как опыт мужчин и женщин на протяжении долгих веков был значительно дифференцирован, и эти различия продолжают воспроизводиться в процессе социализации, это означает, что мужчи-

ны и женщины, говоря на одном и том же языке, часто говорят о разных вещах. Отсюда возникает проблема непонимания, которая может быть объяснена как культурный шок при межкультурной коммуникации. Поскольку, как утверждают Д. Мальц и Р. Боркер, а затем и Д. Таннен, мужчины и женщины принадлежат к разным субкультурам⁷, нет ничего удивительного в том, что за одними и теми же единицами языка, которыми они оперируют, стоят не совсем идентичные единицы сознания (концепты).

Исследования по различию набора дифференциальных признаков, составляющих значения слов “любовь”, “дом”, проведены Ч. Крамер, и, по данным исследовательницы, они существенно отличаются у мужчин и женщин⁸.

Яркий пример концептуального расхождения приведен на материале концепта *ДОМ* в поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева в работе петербургской исследовательницы В. Ю. Прокофьевой⁹. Основываясь на анализе поэтических текстов, В. Ю. Прокофьева приходит к выводу, что ментальное освоение пространства *ДОМ* происходит в творчестве поэта и поэтессы различным образом.

Лирическая героиня А. Ахматовой (наблюдатель) помещается либо внутрь дома, либо вне его, — как правило, перед ним или лицом к нему. Дом влечет ее к себе: во многих стихотворениях прослеживается мотив поиска дома, где она видит себя в мечтах вместе с любимым.

В поэтическом мире Н. Гумилева наблюдается совершенно иной концепт дома. Поэт, который, как известно, был страстным путешественником, слово “дом” употребляет редко, но если оно встречается, то наблюдатель оказывается внутри дома, обычно стоя или сидя у окна или камина. Однако мысленный взор поэта устремлен в другие пространства — пространства мечты и грез. Реальный дом мыслится как точка отсчета, и хотя выход из него есть одновременно начало возвращения к нему, душевный покой поэт-путешественник надеется найти в любимых им Африке и Китае. В стихотворениях Н. Гумилева часто повторяются мотивы одиночества в доме, оторванности от мира, томления в добровольно избранной клетке. Поэтому ментальное освоение пространства дома связано с вектором “из дома”.

Таким образом, налицо, как минимум, разновекторность в освоении ментального пространства концепта *ДОМ* в мужской и женской картинах мира.

Концептосферы мужчин и женщин в рамках одного нацио-

нального языка и культуры дифференцированы вследствие того, что работа их сознания под воздействием историко-культурных факторов была направлена на разные сферы опыта, что в результате привело и продолжает приводить к различиям в процессах концептуализации и категоризации действительности.

Познание действительности проходит как процесс категоризации явлений внешнего мира. Категоризация, как известно, “представляет собой подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта”¹⁰. Таким образом, процесс категоризации предполагает собой фильтрацию знания, соотнесение его с рубриками уже существующего опыта, а эти рубрики, или когнитивные сферы, у мужчин и женщин могут не совпадать.

Важная работа по разграничению когнитивных сфер мужчин и женщин проделана на материале английского языка в исследовании Е. В. Вохрышевой¹¹. Согласно ее данным, круг понятий, которыми оперируют английские мужчины, значительно шире и отличается от совокупности женских когнитивных категорий. В XVIII в. в мужской концептуальной системе доминируют такие концепты, как *war, honour, duty, fate, love, money, philosophy*, а в женской концептосфере выделяются ядерные концепты *human relations, marriage, love, beauty, behaviour, sin*. В XIX—XX вв. наблюдается смещение акцентов: концепт *war* уже не занимает центральное место в мужской концептуальной системе, а становится поддерживающим понятием категории *politics*; понятие *money* изменяет свое место в мужском пространстве и поглощается пространством *work*. В то же время в женском тезаурусе появляется концепт *career*.

В настоящей статье мы предлагаем данные анализа репрезентации в современном англоязычном дискурсе концептов *MARRIAGE* и *WAR* как центральных концептов соответственно женской и мужской концептосфер.

Концепт, как известно, представляет собой единицу ментальной сферы, отражающую определенную сумму знаний о мире (“квант знания”). Значение слова рассматривается при этом как концепт, “схваченный знаком”. А это предполагает, что концепт является соотносительным со значением слова понятием, не зависимым от языка, и только часть его находит свою языковую объективацию^{10a}. Следовательно, значение слова (понятие) синонимично концепту только в смысле выделяемых признаков. В этом смысле логично начать изучение концепта с анализа словарной дефиниции.

Согласно словарю Collins Cobuild, слово “marriage” означает: а) **отношения** между мужем и женой, б) **акт** заключения брака, в) **факт** состояния в браке: the relationship between a husband and wife; the act or ceremony of marrying someone; the state of being married.

Дальнейшее исследование актуального слоя концепта предполагает изучение его характеристик при помощи когнитивно-дискурсивного анализа, для чего нами привлечен языковой материал англоязычных шуток, поговорок и анекдотов. Необходимо отметить, что в нашем исследовании мы не проводим четкой границы между этими речевыми произведениями, представляющими один и тот же текстотип¹². Для нас ценность исследуемых текстов определяется тем, что шутки и анекдоты представляют собой социально обусловленный феномен, одной из особенностей которого является способность отражать процессы, происходящие в обществе, и отношение общества к этим процессам. Сегодня шутки и анекдоты как явления городского фольклора находятся в центре внимания исследователей, так как бытует мнение, что в постиндустриальном обществе они заменили пословицы, отражающие коллективное самосознание феодального общества.

Функциональная сторона анекдота может быть описана через три основные функции: *развлекательную, обличительную и воспитательную*¹³. Последние две функции, как отмечает Л. И. Гришаева, определяют сущность анекдота как средства и способа социализации личности и в конечном счете формирование идентичности определенного социального типа¹⁴. В. Н. Телия полагает, что анекдоты близки к пословицам в том смысле, что они являются прескрипциями — стереотипами народного самосознания, дающими достаточный простор для выбора с целью самоидентификации¹⁵.

Один из заметных процессов прошлого века — перестройка западного общества в связи с волной феминизма, затронувшей его глубинные структуры. Вследствие этой перестройки наряду с шутками и анекдотами, представляющими традиционную андроцентрическую картину мира, появился новый цикл шуток и анекдотов, которые демонстрируют феминистскую картину мира. Это новое картирование мира основано на решительном преобразовании или желании решительного преобразования субъектно-объектных отношений в рамках существующих фреймов отношений, в которые социум втягивает мужчин и женщин.

Противопоставление традиционной и феминистской картин

мира основано на различном представлении в них гендерной асимметрии: в одной из них в позицию субъекта традиционно помещен мужчина, а в другой — женщина. Место объекта в феминистской картине мира отведено мужчине, что обеспечивает новую трактовку традиционного содержания. С когнитивной точки зрения в феминистской картине мира происходит переключение внимания на другой результат, с феминистской точки зрения более уместный и успешный, для чего необходимо поместить восприятие в новый фрейм. Эта процедура смены фрейма получила название “рефрейминг”¹⁶. “Произвести рефрейминг означает преобразовать смысл чего-то, поместив это в новую рамку, в новый когнитивный контекст, отличный от исходного, что позволяет нам иначе интерпретировать те или иные проблемы и находить новые решения”, — пишет Г. Г. Молчанова¹⁷. Отсюда стремление переписать известные сказки, предания и мифы “с точностью до наоборот”, что и наблюдается в феминистском анекдоте: например, в анекдоте об Адаме и Еве утверждается, что первой была сотворена Ева, а затем бог сотворил Адама из ее ребра. Такого же рода рефрейминг мы наблюдаем в новой версии сказки о принцессе-лягушке (теперь в роли лягушки выступает принц, а не принцесса):

Once upon a time, a beautiful, independent and self-assured princess happened upon a frog in a pond. The frog said to the princess: “I was once a handsome prince until an evil put a spell on me. One kiss from you and I will turn back into a prince and we can marry, move into the castle with my mother and you can prepare my meals, clean my clothes, raise my children and forever feel happy doing so”. That night, while the princess dined on frog legs, she laughed to herself and thought: “I don’t think so!”.

Однажды красивая независимая и уверенная в себе принцесса увидела около пруда лягушонка. Лягушонок сказал ей: “Я был прекрасным принцем, пока на меня не наложили проклятье. Если ты поцелуешь меня, я снова стану принцем, и тогда мы сможем пожениться, жить в замке с моей мамой, и ты будешь готовить мне еду, стирать одежду, растить моих детей и всегда будешь счастлива”. Вечером принцесса ела лягушачьи ножки, смеялась и думала про себя: “Я придерживаюсь другого мнения!”.

Концепт **MARRIAGE** оценивается в исследованных нами текстах преимущественно с отрицательной стороны, но нам представляется нецелесообразным делать из этого поспешные и далеко идущие выводы, что иногда имеет место в гендерных исследова-

ниях. Необходимо принять во внимание тот факт, что смеховая культура обычно выделяет в качестве фигуры отрицательные явления, в то время как его положительные стороны служат фоном.

Традиционная модель брака предполагает, что это — экономическое предприятие, в котором стереотип распределения ролей сводится к необходимости содержать семью для мужчины и к заботам о семье и доме — для женщины, которая не обладает финансовой самостоятельностью и во всем зависит от мужа. Утвердившийся последнее время в западной культуре свободный гражданский брак зачастую воспроизводит эту стереотипную ситуацию, несмотря на возросшую экономическую независимость женщины.

В мужской картине мира концепт **MARRIAGE** имеет устойчивый признак **“expensive”** (дорогой, требующий много денег):

Q.: How most men define marriage?

Вопрос: Как большинство мужчин определяет брак?

A.: A very expensive way to get your laundry done

Ответ: Как очень дорогой способ постирать вещи.

Или

A successful man is one who makes more money than his wife can spend.

Мужчина, добившийся успеха — это тот, который зарабатывает больше, чем может потратить его жена.

В феминистской картине мира устойчивым признаком будет являться признак **“miserable”**(несчастный):

Definition of a bachelor: a man, who has missed the opportunity to make some woman miserable.

Кто такой холостяк? Это человек, который упустил возможность сделать одну из женщин несчастной.

Признак **“miserable”** эксплицируется в других шутках и анекдотах как традиционный упрек мужчине в эмоциональной отчужденности и отсутствии способности к сопереживанию — **“lack of empathy”** (отсутствие эмпатии):

Q.: When does a man get hurt by your words?

Вопрос: Когда мужчину ранят ваши слова?

A.: When you hit him with a dictionary.

Ответ: Когда вы бьете его по голове словарем.

Отсутствие или недостаток эмпатии как дистинктивный признак мужского поведения, видимо, является серьезным препятствием в достижении эмоционального контакта между мужчиной и женщиной, о чем свидетельствует устойчивая повторяемость этой темы в анекдоте. Часто и не всегда обоснованно сдержанность в проявлении эмоций, которую в мальчиках воспитывают с детства, воспринимается как холодный эгоизм и равнодушие. Особенно обижает женщин нежелание мужчины помочь в домашнем труде, несмотря на то, что с середины XX в. работа по дому не считается исключительно женским занятием. Реально же, несмотря на то, что мужчины признают разделение домашних обязанностей как справедливое, женщины фактически выполняют большую часть работы по дому и по уходу за ребенком:

Q. How do men define a 50/50 relationship?

A.: We cook/they eat, we clean/they dirty, we iron/they wrinkle.

Вопрос: Как мужчины понимают разделение домашних обязанностей пятьдесят на пятьдесят?

Ответ: Мы готовим/они едят, мы убираем/они сорят, мы гладим/они мнут.

Интересно отметить, что таким образом происходит инфантилизация образа мужчины, что неизбежно в ходе изменения субъектно-объектных отношений при рефрейминге: мужчина предстает в образе ребенка, который везде разбрасывает свои вещи, ломает “игрушки”, капризничает, требует постоянного внимания к себе. Разделение ролей дано весьма тенденциозно: деятельность женщины представлена глаголами “готовить”, “убирать”, “гладить”, и она выступает как носитель положительного конструктивного действия, в то время как мужчина “ест”, “мнет”, “сорит”, т.е. осуществляет потребительскую и деструктивную деятельность.

Обе стороны единодушно приписывают партнеру интеллектуальную неполноценность. Категория шуток о глупости мужчин в феминистском анекдоте и женщин в традиционном анекдоте является одной из наиболее многочисленных:

Q.: What do we call a man with an I.Q. of 50 %?

A.: Gifted

Вопрос: Как мы называем мужчину с коэффициентом умственных способностей 50 %?

Ответ: Одаренным.

Или

Man to God: Why did you make a woman so beautiful?

Из разговора мужчины с богом:

<i>God to Man: So you would love her.</i>	<i>Мужчина: Почему ты сделал женщину такой красивой?</i>
<i>Man to God: But why did you make her so dumb?</i>	<i>Бог: Чтобы ты любил ее.</i>
<i>God to Man: So she would love you.</i>	<i>Мужчина: Но почему ты сделал ее такой глупой?</i>
	<i>Бог: Чтобы она любила тебя.</i>

Женский антиидеал в андроцентрической картине мира содержит такие признаки, как ревность, злопамятность, скандальность, болтливость, стремление доминировать в семейной жизни.

В свою очередь, мужчина представлен в феминистской картине мира как лживый и равнодушный партнер, постоянно стремящийся нарушить супружескую верность, и бесполезный потребитель, склонный предоставить женщине решать семейные проблемы.

Поэтому и в феминистском, и в традиционном анекдоте часто звучит тема незаинтересованности в институте брака, определяя еще одну концептуальную характеристику — “*dissatisfactory*”, “*disappointing*” (неудовлетворительный, приносящий разочарование).

Обе картины мира отразили изменения, появившиеся в результате реструктурирования общественных отношений, что и демонстрируют шутки и анекдоты на тему гендерной асимметрии в западном обществе прошлого века. Особенно знаменательным можно считать появление новой, феминистской, картины мира, в которой ментальное пространство фрейма, структурирующего субъектно-объектные отношения, решительно преобразовано.

Категории “Брак” и “война” можно рассматривать как репрезентанты более общей категории — категории “событие”. Концептуальному анализу событий посвящено множество исследований, в ходе которых были выделены закономерности их интерпретации. В отечественной лингвистике наиболее полно и всесторонне лингвистический анализ события представлен в работах Н. Д. Арутюновой и ее школы логического анализа языка¹⁸.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что “событие” обладает тройкой локализацией: оно локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве”¹⁹.

С понятием события ассоциируется представление о маркированности: оно является вехой на жизненном пути человека. При

этом события не зависят от воли человека: они рассматриваются как нечто, происходящее спонтанно. Человек может планировать, ожидать, желать какого-то события; он может быть виновником, инициатором, зачинщиком или свидетелем события, но события идут своим чередом.

Осуществляя одну и ту же акцию, можно стать участником разных событий: для одной команды футбольный матч оканчивается победой, для другой — поражением: в этом смысле мы имеем дело с двумя “жизненными историями”, которые должны рассматриваться как разные события. Таким образом, “ни временной, ни пространственный параметр не определяет основную область локализации событий. Последние мыслятся как происходящие не в пространстве “безграничного мира”, а в его более узкой сфере — сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства.События не только происходят в жизни людей, но в них должны принимать участие люди. События личностны и социальны”^{19a}.

Согласно схеме параметризации событий, на которую мы опираемся в нашем исследовании, внутри понятия “событие” предлагается различать три разновидности: а) **событие как идею** — его аналогом является интенционал имени или дескрипции; б) **собственно событие**, или референтное событие — его аналогом выступает конкретный референт (экстенционал) имени; в) **текстовое событие**²⁰.

События в тексте выделяют, опираясь на координаты их интерпретации — вехи, которые устанавливаются самим ходом интерпретирования. В процессе концептуального анализа можно выделить следующие признаки события при его описании: 1) статичность / динамичность; 2) контролируемость / неконтролируемость; 3) рассмотрение в целостности и по фазам; 4) моментальность / длительность / повторительность; 5) достигнутость / недостигнутость цели; 6) степень достоверности; 7) ролевые функции участников события; 8) противопоставление известного, желательного и предпочтительного событий; 9) “способ существования” объектов в событии; 10) пространственно-временная локализация события; 11) квантифицируемость события; 12) причинность / беспричинность^{20a}.

Гендерные особенности осмысления событий исследованы нами на основании газетных статей и интервью, являющихся непосредственной реакцией на события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Анализу были подвергнуты тексты интервью и аналитических статей, опубликованные в американских газетах от

12 сентября 2001 г.: “USA Today”, “Daily News”, The New York Times”, “Banjo Daily News”, “Telegram & Gazette”, “Maine Day”. В опросе участвовали люди разного возраста (от 14 до 77 лет), разного пола и социального статуса — от учащихся до известных государственных служащих, занятых в разных сферах деятельности. Корреспонденты обращались к людям прямо на улице. Для анализа были отобраны 247 интервью мужчин и 228 высказываний женщин.

И мужчины, и женщины были единодушны в категоризации события — это война: *this is a strike against our country.....; it was like we were going to war.....; this is war. This is no joke.*

Как правило, мужчины ограничивались краткими репликами и высказываниями (42 %), состоящими из двух-трех предложений. Что касается женщин, то только 22 % из них сказали 2—3 фразы, остальные высказались более подробно. Эти факты подтверждают, таким образом, как большую склонность женщин к самораскрытию, так и большую склонность к кооперативным тактикам в речевом взаимодействии.

Женщины, как правило, предпочитали динамичные, а не статичные способы представления события: *“All this stuff started falling and all this smoke was coming through. People were screaming, falling and jumping out of the windows”, said Jennifer Brickhouse, 34 (USA Today. 2001. № 1).*

В аналогичных высказываниях мужчины не ограничивались лишь описанием того, что они видели, но пытались в заключение сделать замечания о количественных (параметр 11) и причинных (параметр 12) характеристиках события, возможно, полагая, что иначе их высказывания не будут достаточно достоверными (параметр 6) и коммуникативно ценными:

*“I saw **six people** fall in the space of **10 minutes**”, said John Carson, an investment banker who lives two blocks from the towers. “Blue jeans, tennis shoes falling over themselves, falling. They were somersaulting” (New York Times. 2001. № 6).*

*John Bradley, 37, said, “People were jumping from the first building hit. They were jumping from 70 floors **up because they’d rather jump, than burn.** I would guess 20 or 30 jumped” (Banjo Daily News. 2001. № 3).*

Мужчины в 3 раза чаще, чем женщины, употребляли количественные числительные и в 2,6 раза чаще оперировали атрибутами, допускающими четкое градуальное сопоставление, т.е. часто вводили в свою речь прилагательные, которые определяют количественные и параметрические отношения и степени срав-

нения наречий и прилагательных. Например: *a big roar, a global building, a huge amount, a big, strong country, a great shot; the biggest, the most terrible, so easily, the worst*. В глагольной лексике, используемой мужчинами, преобладали глаголы физического и агрессивного действия: *to knock, to rock, to sway, to jump, to pull off, to mash, to attack*.

Что касается женщин, то в ходе интервью они употребляли много оценочных прилагательных и глаголов, характеризую свое эмоциональное и физическое состояние во время взрыва: *horrified, saddened, outraged, understandable; to hope, to affect, to cry, to pray out, to weep, to want, to believe*.

Если для выражения степени достоверности (эвиденциальности) события мужчины используют модальные слова *certainly, probably, presumably*, тщательно градуируя свое отношение, то женщины существенно чаще предпочитают выражения типа *I think, I feel, I hope*. Эта тенденция отмечается еще в 17 в. и зафиксирована в исследовании М. Паландер-Колин, проведенном на материале частной переписки английских мужчин и женщин²¹. Тенденция сохраняется и по сей день, причем исследователи отмечают функциональную и семантическую разницу в употреблении мужского и женского вариантов *I think*. Если мужчины используют *I think* для выражения неуверенности, то женщины при помощи этой вводной фразы выражают уверенность, используя ее исключительно из соображений вежливости²².

По второму параметру (контролируемость/ неконтролируемость события) наблюдаются значительные расхождения в высказываниях мужчин и женщин. Хотя все опрашиваемые мужчины и женщины были свидетелями нападения на Всемирный Торговый Центр, и для всех то, что они увидели, было шоком, мужчины в своих высказываниях чаще претендовали на статус эксперта (пытались вспомнить прецеденты), нежели выступали как пассивные зрители:

"This is the worst day in the history of our country, with the exception of Civil War", said lawyer Alan Kraus, 48 (Daily News. 2001. № 2).

"It was very eerie", said John Sheeham, a government employee. "It feels like London at the beginning of the blitz" (Maine Day. 2001. № 2).

Такой же характер носит и поведение женщин — государственных служащих:

"The sense of security in the workplace in the USA has been shattered forever", said Barbara Brooks, president of Strategy Group, a corporate

consulting firm. "This wasn't Pearl Harbour. This was an office building that got hit" (Telegram and Gazette. 2001. № 9).

Для этих высказываний характерно представление ситуации как статичной, рассматриваемой в целостности, а не по фазам (параметры 1, 3). Интегральное представление события, желание дать ему характеристику в исторической перспективе свидетельствует о стремлении, с одной стороны, оценить положение дел как бы с точки зрения всей нации и высказываться от ее имени, что в целом типично для мужского поведения, поскольку мужской блок когнитивных категорий считается по преимуществу социополитическим. С другой стороны, такая стратегия может быть квалифицирована как попытка "встать над схваткой" и таким образом спасти лицо, создавая иллюзию контроля над ситуацией.

Без сомнения, мужчины Америки были уязвлены, так как они не сумели защитить свою страну: *I was devastated. I just couldn't believe it. I got the same feeling I had when President Kennedy was assassinated", Ted Whitney of Detroit said describing his reaction when he heard the news on a morning television show. I'm dumbfounded, heartbroken" (Daily News. 2001. № 2).* При этом они не забывали упомянуть о том, что они сделали или пытались сделать: *"I tried to help them. But they didn't want anyone to touch them", said Donald Burns, 34 (New York Times. 2001. № 3).*

В то же время женщины не уделяли внимания ролевой стороне события, акцентируя скорее нравственно-этические аспекты ситуации: *"It's just not understandable that people can be so inhumane", said Jeanette Forster (Telegram & Gazette. 2001. № 4).*

В женских интервью четко прослеживается направленность на блок матримониальных категорий. Женщины не пытались представить себе, как мужчины, что нападение 11 сентября означает для всей страны: прежде всего, женщины думали о своих близких и особенно о детях: *"When I first heard what happened this morning", Monique da Silva Moore said, "my first reaction was to think "Oh, my God! Is my family OK?" (USA Today. 2001. № 3).*

"I don't fear for my safety," said Julie Appel of Atlanta. "But I fear for the safety of my children (3-year-old Brenner, 1-year-old Max). What will happen to their world because of this?" (Banjo Daily News. 2001. № 3).

Лингвистический анализ содержания статей и материалов интервью демонстрирует, что в связи с упомянутыми тенденциями в осмыслении события мужчины используют временные формы всех трех планов — настоящего, прошедшего и будущего

го. В то же время женщины преимущественно используют Present Perfect, Past Simple и Past Progressive. Мы рассматриваем этот нюанс как явление “вытеснения” — речевую стратегию человека, который стремится забыть кошмарное прошлое и открыть новую светлую страницу: *“It was a surreal effect. It was almost like I was replaying a video in my mind. Surprisingly it was under control”*, Mrs.Cormier said (USA Today. 2001. № 6).

Считается, что женщины чаще, чем мужчины, используют модальные глаголы. Однако в нашем исследовании это не подтвердилось. В речи мужчин модальный глагол *could* используется в 15,6 % интервью, *can* — 16,8, *have to* — 9,6, *need* — 7,7, *should* — 5,7, *might* — 3,8. В речи женщин модальный глагол *could* используется в 22,2 % контекстов, *can* — 14,8, *may* — 3,7, *must* — 3,2, *should* — 2 %. Использование будущего времени, повелительного наклонения и глагола *have to* как модального характерно для речи мужчин, которые планируют ответные акции и полны желания отомстить: *“We have to be ever watchful of such terrorist attacks”*, Ronald Morin of Madawasca said (Banjo Daily News. 2001. № 5).

Mr. McGovern Us Rep. said, *“However long it takes, we need to know which person or even which country is responsible and we need to get it right. Whoever is responsible for this is going to pay a price”* (USA Today. 2001. № 5).

Совершенно недвусмысленно высказываются мужчины более низких социальных слоев: *“This is just the beginning”*, predicted Shaw, 27, worker of post office. *“It’s not blacks and whites, who are going to battle with each other. We’re gonna look hard at everyone who wears a turban now”* (New York Times. 2001. № 3).

“The Palestinians are partying in the street. I say: “Bomb these idiots! Wipe them off the map! Enough of this”, said Robert Rollins, 26, a hair stylist at Richie Arpino Salon (New York Times. 2001. № 3).

В ходе исследования были проанализированы также аналитические статьи, опубликованные в упомянутых газетах от 12 сентября. Выяснилось, что в среднем количество аналитических статей мужчин-репортеров в 1,8 раза больше, чем количество статей женщин-репортеров. Хотя вследствие влияния фактора профессиональной принадлежности различия в осмыслении данного события сильно нивелированы, тем не менее прослеживаются те же самые тенденции, что и в устных интервью. Мужчины-репортеры преимущественно рассматривают влияние последствий трагедии не на отдельного человека или группу людей, а на всю нацию как единое целое. Женщины-репортеры, наобо-

рот, рассматривают последствия взрывов с позиций реакции отдельных личностей и групп людей. Только женщины, например, пишут о реакции Буша и его действиях (не подвергая их критике или анализу), дают много информации о бен Ладене, приводят советы психологов, которые могут помочь избавиться от сильного стресса после катастрофы.

Статьи мужчин-журналистов сконцентрированы вокруг одной проблемы: как наказать виновника. Они настаивают, чтобы их дети и все окружающие запомнили события 11 сентября. В заголовках статей мужчины позволяют себе использовать разговорную лексику грубого содержания. Женские заголовки не так агрессивны: женщины акцентируют такие последствия события, как необходимость помощи пострадавшим и их психологическая реабилитация, в отличие от мужчин, призывающих к борьбе и мести.

Рассматривая некоторые образцы мужской и женской речи, мы попытались выявить различия в восприятии явлений и событий, которые, как мы полагаем, иллюстрируют дифференциацию в работе человеческого сознания, обусловленную таким важным биосоциальным фактором, как гендер. Наше внимание было сосредоточено на анализе двух концептов, находящихся соответственно в фокусе женского и мужского сознания: *marriage* и *war*. Анализ концепта *marriage* в андроцентрическом и феминистском американском сознании показал те значительные сдвиги в интерпретации гендерных социальных ролей, которые происходят сегодня в западном обществе, что нашло свое выражение в пересмотре субъектно-объектных отношений в соответствующем дискурсе. Представляется интересным, насколько диаметрально противоположной является трактовка события *брак* в мужской и женской (андроцентрической и феминистской) картинах мира.

Обладая перечисленными выше параметрами, события представляют собой сложное единство. В зависимости от интерпретирующего субъекта, текстовое событие актуализирует те или иные параметры эпизода — явление, которое мы попытались описать на материале устных интервью и статей американских мужчин и женщин, комментирующих события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что при одинаковой категоризации данного происшествия мужчины и женщины расходились в его концептуализации. Женщины были склонны к динамической модели репрезентации события, акцентируя морально-этическую сторону произошедшего

и рассматривая его с точки зрения влияния на жизнь близких им людей, одновременно придавая большое значение своему эмоциональному опыту. Видимо, поэтому женская речь, в отличие от мужской, содержала большое количество экспрессивов²³.

В то время как женщины выступали скорее в роли *воспринимающего* субъекта, мужчины проявляли себя в роли субъекта *интерпретирующего*, актуализируя такие параметры происхождения, как квантифицируемость, причинность и ролевые функции участников события. Они уделяли значительное внимание пространственно-временной локализации события, рассматривая его в целостности, а не по фазам. Мужчины также пытались придать ситуации большую агентивность, упоминая о своих активных действиях, пытаясь выступить в роли эксперта и говорить от имени всей нации.

¹ Fodor J. A. The Language of thought. N.Y., 1980.

² Серл Дж. Сознание и проблема "сознание-тело" // Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 107.

³ См.: Nagel T. What is it like to be a bat? // The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul. Penguin Books, 1982. P. 392.

⁴ См.: Люотар Ж. Ф. Феноменология: Пер. с фр. Б. Г. Соколова. СПб.: "Алетейя", 2001. С. 36.

⁵ Sharoff Serge. What is it like to be a woman: a man's perspective // <http://www.cpm.mmu.ac.uk/~bruce/cinc>.

⁶ См.: Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. N.Y.: W. Morrow, 1990.

⁷ См.: Maltz D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // Language and Social Identity. Cambridge: CUP, 1982; Tannen D. Op. cit.; Eckert P., McConnell, S. Mapping of the world // Language and gender. Cambridge University Press, 2003.

⁸ Kramer C. Perceptions of male and female speech // Language and speech. 1977. № 20.

⁹ См.: Прокофьева В. Ю. Пространство в лирике А. Ахматовой и Н. Гумилева: гендерный аспект // Язык в пространстве и времени: Тез. и материалы междунар. науч. конф. Самара: Изд-во СамПГУ, 2002. Ч. 2. С. 89.

¹⁰ Кубрякова Е. С. Концепт // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 42. ^{10a} С. 90—91.

¹¹ См.: Вохрышева Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: Автореф. дис..... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

¹² Месропова О. М. Некоторые аспекты композиционной семантики текстов типов "анекдот" и "шутка" // Композиционная семантика: Материалы третьей междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. Ч. 1. С. 169.

¹³ Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992.

¹⁴ Гришаева Л. И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и

морально-этических ценностей социума // *Вопр. филологии и методики преподавания иностранных языков*. Омск: ОГПУ, 1998.

¹⁵ Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996.

¹⁶ Bandler R., Grinder J. Reframing. Real People Press.; Moab, UT., 1982.

¹⁷ Молчанова Г. Г. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности // *С любовью к языку: Сб. науч. трудов*. М.; Воронеж, 2002. С. 337.

¹⁸ Арутюнова Н. Д. Событие // *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999; Радзиевская Т. В. Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении: Автореф. дис..... канд. филол. наук. М., 1981; Романова Г. С. Конструкции с общим значением событийности (на материале испанского, итальянского и французского языков): Автореф. дис..... канд. филол. наук, М., 1979.

¹⁹ См.: Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 509. ^{19a} С. 508—509.

²⁰ См.: Демьянков В. З. “Событие” в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // *Изв. АН СССР. СЛЯ*. 1983. № 4. ^{20a} С. 326—328.

²¹ Palander-Collin Minna. Male and Female Styles in 17th century Correspondence: I think // *Language Variation and Change*, 11. Cambridge Univ. Press, 1999. P. 123.

²² Holmes Janet. Women, men and politeness. London: Longman, 1995.

²³ Cruse, Alan. Speech Acts// *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press, 2000. P. 343.